

Мара прибыла на смену почти через час, как обычно. Люк вернулся в свои три личные комнаты, Мара пересекла темную, пустую столовую, чтобы войти в высокую гостиную, где разговаривали Люк и Рис. Рис поднял глаза с автомагнитолой в руке со своего места напротив Люка в гостиной, спиной к спальне. Он задержал ее взгляд на мгновение в знак признательности, затем снова повернулся к Люку.

«... Которые требуют вашего внимания, хотя они могут подождать вашего возвращения, если вы предпочитаете?»

Люк тоже повернулся, чтобы взглянуть на Мару, когда она вошла, затем снова повернулся к Рису: «Нет, положи документы на мой считыватель, я разберусь с ними в полете, а затем передам их тебе. чтобы двигаться как можно скорее ».

Рис кивнул, отмечая свои записи как таковые.

"Если это так, они могут быть на месте к тому времени, когда вы вернетесь; потребуется всего три дня, чтобы все детали переназначения вступили в силу. Персонал основного флота будет собран на борту " Патриота ", который будет переведен в Project Redress, когда он в следующий раз вернется. - Персонал флота поднимется на борт в Салласте ».

"Хорошо."

«Также Flight Con связалась с вашим офисом. Ваш шаттл и сопровождение подготовлены в соответствии с вашим запросом; они запросили время вылета - в удобное для вас время».

"Вы связались с помощником лорда Вейдера?"

Люк знал, что к полудню он должен быть в провинции Мосин, в двух часах е заменяя их через случайные промежутки времени, а не когда он чувствовал его безопасность может быть поставлена под угрозу - одна вещь, которую он научил его работе с повстанцами, заключалась в том, что если вы даже подозреваете это, то, вероятно, было слишком поздно. Но он также хотел обсудить нарушение Силы со своим отцом перед отъездом. Люк должен был остаться в Мосиине всего на три дня, хотя что-то в глубине души подсказывало ему, что даже это будет слишком поздно. Люк снова попытался увидеть, что вызвало раскол ... но знания искривлялись и схлопывались сами по себе, возвращаясь в непрерывный круговорот причин и следствий, а его последствия простирались так далеко в будущее, насколько он мог видеть, но прямо сейчас он был все еще настолько мал, что казался незначительным, настолько приземленным, что его легко не заметить; забыли ... он мог так почти видеть это ... почти прикоснуться к нему.

Пальцы его левой руки непроизвольно сомкнулись, зная, что он был прямо перед ним, почти настолько близко, чтобы коснуться! Люк открыл глаза и уставился, не видя, на Рис, сидевшего прямо перед ним, спиной к стене, с тревогой и тревогой на лице. Он вернул свои мысли к моменту; к тому, чего ему нужно было достичь здесь и сейчас. Вейдер находился в Императорских казармах Тингарна менее чем в двух часах езды к северу, но Люка не было видно, чтобы он воздерживался от поездки в провинцию Мосин, чтобы поговорить с ним, и в любом случае он хотел как можно скорее уехать из Дворца. , зная, что чем дольше он оставался, тем более вероятно, что Палпатин позовет его, чтобы обсудить странное беспокойство, и почему-то он чувствовал себя совершенно не желающим делать это.

Ему пришло в голову, что если Вейдер найдет какой-нибудь предлог остаться в казармах Тингарна на ночь, то Люк сможет полететь в Мосиин в соответствии с приказом и ускользнуть около полуночи после того, как он предположительно уйдет на пенсию. Если бы он взял Interat-TIE, он мог бы без особых усилий сократить четырехчасовую поездку до менее чем трех,

что позволило бы им говорить в гораздо большей безопасности, чем они когда-либо могли здесь, во Дворце, и все же вернуться к рассвету ... В этом плане был только один недостаток; Мара. Это она, а не Рис, была назначена сопровождать его в Мосиин. Если Люк попытается ускользнуть под покровом ночи, она так или иначе узнает. Вез выжидающе смотрел на него, и Люк моргнул; "Повтори?"

«Я сказал, офис лорда Вейдера сообщил мне, что он должен вернуться во дворец сегодня вечером». - повторил Рис, уже зная, что Люку нужно срочно поговорить с отцом, а это потребует редактирования планов, поэтому он был готов к напряженному дню.

«Хорошо. В таком случае мы отправимся сейчас».

Люк повернулся к Маре: «Ты готов?»

Она удивленно моргнула: «Прямо сейчас?»

Он просто посмотрел на нее, и, поняв, что она должна так публично поправить тон, Мара быстро встала;

«Да, мне просто нужно вернуться в свои апартаменты...»

"Сделай это сейчас."

Люк взглянул на Риса, когда тот встал: «Сообщите Flight, что мы немедленно улетим».

В тот момент, когда Мара ушла, Люк снова повернулся к Рису.

"Свяжитесь с лордом Вейдером по защищенному каналу; скажите ему, чтобы он нашел причину остаться в казармах Тингарна сегодня вечером; я встречу его там. Ему нужно организовать разрешение для Interat-TIE с невоенным удостоверением личности, чтобы приземлиться и дать мне код разрешения - я прилечу один около трех часов после полуночи. Когда вы получите код, передайте его мне с несколькими документами - все подойдет. Также скажите ему, что я принесу ключ к новому шифру код, который вступит в силу с полуночи завтра ".

Рис кивнул, фиксируя это в памяти - некоторые вещи никогда не записывались.

"Что ты будешь делать с Джейд?"

Люк поджал губы: «Я еще не знаю, я мог бы оставить ее здесь, но это невозможно. Я что-нибудь придумаю - у меня есть» до темноты ».

Рис задумался; «Возможно, тогда лорду Вейдеру лучше вернуться во дворец сегодня вечером...»

" НЕТ!"

Люк перебил его с большей силой, чем он намеревался ... почему? Он успокоился, зная, что его грудь и плечи напряглись.

«Нет, скажи ему, чтобы он оставался в казармах... это важно». Рис кивнул, но, увидев, как глаза Люка обратились к двери, его вопрос остался невысказанным. Как и ожидал Рис, вошел скорее Холлин, чем Мара, совершив свой обычный аккуратный поклон, прежде чем взглянуть вверх, переводя взгляд с человека на человека, еще не подозревая об утренних событиях.

"Что- я что-то пропустил?"

. . В течение часа Люк направлялся вниз от Западной башни к ограниченной посадочной платформе, установленной в задней части крыши Главного дворца, где его подразделение ожидало запуска, связавшись с офисом Императора и получив разрешение на отбытие, Мара и небольшой контингент с ему. Он связался с Канцелярией Императора, а не с самим Императором, как можно раньше этим утром, надеясь, что его разрешения будут предварительно одобрены. Поскольку поездка была по приказу Императора, он сделал ставку на то, что все разрешения уже были на месте, и, конечно же, соответствующие разрешения были переданы, и теперь он имел полное намерение уйти, прежде чем его Учитель передумал.

Люку запоздало пришло в голову задаться вопросом, проверит ли Рис, есть ли в его эскорте эскадрилья 701-го полка - без них его шансы получить ТИЕ за пределами базы без запроса в казармах Мосиина были малы. 701-й отвечал только Люку, так что при условии, что он предоставил предварительное разрешение, их передвижения и, что более важно, удостоверения пилота не были запрошены там командиром. К тому же их истребители имели на борту необходимое скрытное оборудование, чтобы обеспечить скрытый полет под обычным радаром, при условии, что он не летел слишком близко к Дворцу.

Он нахмурился, не сбавляя темпа; он мог попросить Риса проверить, находится ли его эскорт 701-м на открытом комлинке, не вызывая подозрений, и Рис, несомненно, осознает остальное. Повернувшись к стоящей рядом Маре, он протянул руку: «Комлинк, пожалуйста?» Мара кивнула, взявшись за пояс, привыкла к тому, что Люк использовал ее или чей-то еще комлинк, если они были близко - он никогда не носил своего ... Люк резко обернулся, почувствовав панику Мары, когда она возилась с поясом.

"Что?"

Мара придвинулась на полшага ближе, чтобы ее нельзя было подслушать, сердце трепетало у нее в груди;

«Я оставил это в твоей квартире».

"Где?"

Неужели ему нужно было спросить?

«Это должно было быть, когда я спешил».

Это было оправдание, которое она знала, и она была лучше, чем это - она не должна нуждаться в нем, и даже если она это сделает, она определенно не должна его озвучивать. Люк сделал несколько шагов, тихо ругаясь. Было бы легко убедить себя, что никто не увидит это в спальне его личных покоев, но любое количество дворцовых слуг вошло туда законно, и, несмотря на то, что они были в его личном домашнем штате, не все из них могли можно верить - некоторым совсем наоборот. Было бы слишком легко убедить себя, что они, естественно, сочтут его его принадлежностью, но все знали, что он никогда не носил его, его собственный выбор в попытке усложнить отслеживание или слежку за собой. Он ненадолго подумал о том, чтобы связаться с Халлином или Рисом через другой комлинк, оба из которых все еще находились в его апартаментах, ожидая выполнения его приказов, но это лишь укрепило бы их мнение относительно безрассудства рисков, на которые он пошел. Что оставило один выбор;

«Иди и возьми. Быстро».

Она повернулась и побежала через Дворец так близко, как только осмелилась, зная, как ужасно это могло быть, если бы нашлось - для них обоих. Вместо того, чтобы пройти через главный вход в апартаменты Скайуокера, Мара остановила три этажа ниже на уровне, предоставляя стандартные помещения, а также кухни и бытовые услуги для слуг, которые укомплектовывали обширные Перлемианские апартаменты - апартаменты Люка.

Два этажа выше и ниже его квартиры всегда были закрыты, забиты укреплениями и подкреплениями, изначально предназначенными для сдерживания джедаев Императора, и наблюдение имело целью подтвердить и гарантировать его повиновение, как только Палпатин захватит его. С одной стороны от больших, укомплектованных персоналом кухонь был прямой доступ, который с тех пор был прорезан мерами безопасности - лестница доступа и автоматизированный немой официант, которые вели прямо в Большой зал и в Государственную столовую за ним ... но там был также вторым, скрытым входом, спрятанным за глухой стеной в конце мало-используемого коридора в холодильных магазинах

- «Резерв».

Именно этим скрытым входом, который не контролируется, воспользовалась Мара, намереваясь скрыть свое возвращение от радаров, выходя в магазин в Музыкальной комнате квартиры Люка. Отсюда она проскользнула через Западную гостиную, быстро перешла через главный коридор в массивную, роскошную, но мало-используемую каюту, выйдя в коридор, ведущий в личные комнаты Люка. Это был маршрут с наименьшим наблюдением, хотя, по правде говоря, это были не те линзы, которых Мара хотела избежать - она имела полное право находиться в квартирах Люка и легко могла подобрать для него что угодно, особенно с тех пор, как последние три комнаты она входил бы, если бы Люк рутинно аннулировал все наблюдения, чтобы обеспечить его личное пространство.

Но факт был в том, что она не хотела, чтобы ее поймал Рис, другой «наблюдатель» Скайуокера, глаза и уши Палпатина в личных комнатах Люка - и причина, по которой Император был достаточно уверен в себе, чтобы позволить Люку время от времени несогласие с отключением системы безопасности. линзы. При этом она не хотела особенно встречаться с Халлином, который, как она знала, просто воспользуется возможностью, чтобы стать с ней кайфом и могуществом, особенно если он узнает, зачем она здесь. Но, похоже, она сделала это, не встретив никого, сотрудников и службы безопасности, которые обычно направлялись к входу в квартиру - либо в крыло для персонала, либо в комнаты стражи - когда Люка не было дома.

Она была на полпути к последнему коридору, поздравляя себя с тем, что добралась так легко, когда дверь в личные комнаты Люка начала открываться ... Посмотрев налево, Мара быстро проскользнула через дверь в кабинет Люка, единственную комнату, которая свела на нет наблюдение, надеясь избежать того, кто это был, думая, что при этом она узнала голос Риса. Она попятилась через большой офис, внезапно опасаясь, что он воспользуется этим обычным способом, чтобы попасть в Корпус персонала. Ее глаза на мгновение остановились на массивном столе, и она сделала три шага к нему, намереваясь спрятаться под ним, но в последний момент передумала и направилась ко второму выходу, противоположному тому, в который она вошла.

Она была на полпути, когда позади нее раздался звук открывания двери. Зная, что она не выйдет и не успеет закрыть автоматическую дверь вовремя, она нырнула в небольшой освежитель рядом с ней, дверь открылась вручную. Она приняла правильное решение, потому что едва успела ее закрыть, осторожно держась за ручку, чтобы защелка замолчала, прежде чем кто бы ни вошел в комнату, их голос был приглушенным, но слышимым.

«... Хотелось бы, чтобы он этого не сделал. Это ненужный риск - зайти так далеко. Это будет означать, что он ушел около семи часов - это чертовски много времени, чтобы что-то пошло не так».

Это был голос Риса; Мара молча прислушивалась к двери, желая, чтобы он прошел прямо через офис и снова вышел через другой выход.

«Он должен чувствовать, что это достаточно важно, чтобы оправдать это. Ты же знаешь, в противном случае он бы не пошел на риск».

Голос Холлина - он должен быть с Рисом; Мара беззвучно вздохнула с облегчением, избегая их обоих.

"И в истребитель!"

Рис продолжил без всякого смягчения: «Ему нужно вывести корабль из казарм Мосиина, подлететь к нему в опасной близости от зоны наблюдения Дворца и доставить его в казармы Тингарн, где находится его отец, и все это находится вне поля зрения радаров».

«Его отец... в казармах Тингарна» - они говорили о Люке!

«Я думал, что у Interat-TIE низкий...»

- Холлин заколебался, мгновенно теряя сознание,

- «Радар... силуэт или что-то в этом роде?» "

Профиль радара , и они есть, но у штурмовиков в обеих казармах есть глаза в их головах и ушах. Неважно, насколько радар-отражающим является I-TIE или сколько приказов об освобождении он издает в Мосиине, он все еще чтобы посадить его в Тингарне "

Мара нахмурилась, ее любопытство возросло. Если Люк намеревался отправиться в казармы Тингарн, то явно без разрешения Императора ... «Это напоминает мне - мне, вероятно, следует проверить, что это один из рейсов Echo с 701-го, которые сопровождают «Наследника» до Мосиина. Их истребители - единственные, которые были модифицированы так, чтобы их позывные были адаптированы. 701-й военный билет, направляющийся в Тингарн ».

Они не переехали из офиса, но теперь первоначальная причина, по которой Мара скрывалась, была забыта в этом потоке информации ... "Ой!"

Халлин сказал быстро, как будто вспомнив: «Он сказал мне сказать вам, что если бы он был достаточно быстрым, он взял бы вместо этого резак Каррде - он будет где-то очень близко к казармам Мосина, когда он туда доберется, сказал он, потому что слайсер сбрасывает код или что-то в этом роде ... я не упоминал об этом? Он сказал, чтобы все же приготовили Interat-TIE, если это не так. "

"Где я был, когда происходил этот небольшой разговор?"

«Ты был на коммуникаторе, и Джейд вернулась в комнату - у него было всего мгновение; он прошептал это мне».

«Есть что-нибудь еще, прежде чем я пойду и устрою встречу, о которой Наследник уже передумал?»

Мара почувствовала, как у нее закружилась голова, когда все это внезапно осознано; Рис уже знал ... он знал. Единственный способ узнать все это - работать на Люка ... он работал на Люка ! Она снова вспомнила решение Императора назначить Риса помощником Скайуокера, нанятого Пестажем по приказу Палпатина; он утверждал, что полезность Риса заключалась в его способности неосознанно притуплять свои мысли; ничего преднамеренного или предвзятого, у него просто было то, что Палпатин называл «спокойным умом».

Именно это принесло ему столь желанное положение помощника Люка; тот факт, что его статус агента Палпатина не будет обнаружен. И действительно, Люк, похоже, этого не осознавал, и в конце концов принял Рис после долгого периода недоверия ... Только это было вовсе не принятие, поняла Мара, это была вербовка; Рис провел так много времени в компании Скайуокера, и Люк всегда старался оставаться вне зоны наблюдения, даже здесь. У него было все время - годы - чтобы разгадать Риса. А кто бы знал? Рис был глубоким прикрытием, отчитывался перед Пестажем и намеренно не имел прямого контакта с Палпатином.

На расстоянии этот от природы «спокойный ум» явно купил Рису иммунитет от пристального внимания Императора. Знал ли Скайуокер об этом - поэтому он и нанял его? В голову пришла странная мысль, давным-давно - в самую первую ночь, когда она тайно остановилась в апартаментах Люка во Дворце, - на следующее утро, когда Холлин вбежал в спальню с предупреждением, что Амедда едет туда; Тогда она поняла, насколько Халлину доверяли, что он уже знал о романе Люка и Мары ... но Люк упомянул и кого-то еще - сказал Холлину, чтобы Вез помог скрыть присутствие Мары там. В тот момент, в панике, это прошло просто потому, что Люк называл Риса по имени; Мы з. Обычно он никогда не делал этого в ее присутствии; должно быть, это была ошибка под давлением.

Теперь ей хотелось от отчаяния хлопнуть себя по лбу. Почему она этого не заметила ?! Люк мог кормить Палпатина чем угодно - любой информацией под видом надежной информации, которая тщательно регистрировалась и сообщалась Пестажу Рисом, всегда сторонним, потому что он был надежным агентом с глубоким прикрытием; нет прямого контакта, который мог бы поставить под угрозу его прикрытия. Теперь Мара осознала, что Люк действительно имел большую свободу;

Помимо себя, Рис была еще одним постоянным тайным источником, на который Палпатин полагался, чтобы знать о передвижениях Люка, когда он находился вне зоны автоматического наблюдения ... и здесь он помогал Люку улизнуть под носом Императора - не меньше чем в столице - чтобы увидеть его отца! Его отец! Мара судорожно вздохнула, подняла руку и в недоумении прикрыла открытый рот; потому что это явно не было каким-то невероятным разовым мероприятием - это было обычным делом. Люк проводил секретные встречи с Вейдером ... два человека, с которыми Палпатин категорически не допускал никаких дружеских отношений, встречались тайно как долго? Годы, возможно. Рис снова заговорил, Мара едва слышала первые несколько слов;

«... Немедленно - протокол команды; группа три-девять-девять-шесть». «Подтверждено; подождите».

Голос был неопознаваемым, он был отфильтрован через комлинк. Мара молча ждала, часть ее не желала знать больше, теперь не зная, что ей делать. Как Люк мог сделать это с ней, с Палпатином. Как он мог поставить под угрозу все, что построил здесь... для чего? Она даже не была «Командир Рис».

Басовые тона Вейдера были безошибочными, даже по комлинку. «Лорд Вейдер, вы находитесь в безопасном месте?»

"Да."

«Мне поручено передать сообщение от Наследника, милорд; он просит вас остаться сегодня в казармах Тингарна. Он пойдет своим путем...»

«Я должен вернуться во Дворец - остаться было бы проблематично».

«Я ценю это, милорд, но Наследник настаивал на том, что это было необходимо. Он хочет лично поговорить с вами об утреннем... событии. Я считаю, что он чувствует, что это зависит от времени».

"Где он сейчас?"

«На пути к казармам Мосиин. Он намеревается вылететь оттуда в Тингарн сегодня вечером, используя...»

«Не может быть и речи. Риски слишком велики».

В голосе Риса теперь звучал усталый от мира тон, как будто это было слишком регулярным явлением, как по его собственному мнению, так и по мнению Вейдера: «В самом деле, милорд, однако его не отговорили». Где-то в затылке профессиональный агент в Маре молча отметил знакомство с обменом, чувство длительной связи, которое указывало на давнюю ситуацию.

«..... Очень хорошо. Я останусь в Тингарне. Сообщите ему, чтобы он связался со мной по защищенному каналу, когда он покинет Мосиин, и еще раз, когда он приблизится к казармам Тингарна. Я устрою безопасную посадочную площадку за пределами казарм и встречу его там
."

«Спасибо, лорд Вейдер, я вскоре сообщу Наследнику».

Когда канал закрылся, послышалось малейшее щелканье, затем мгновение молчания, Мара все еще спряталась в шоке, прижавшись к двери, прижав руку ко рту.

«Мне нужно выяснить, какое подразделение 701-го сопровождает Наследника, а какие подразделения сопровождают Наследника».

Голос Риса стал ближе, когда он подошел к двери офиса: «Если мне нужно пометить на одном из рейсов Echo, мне нужно сделать это сейчас, пока это не будет выглядеть неуместным».

"Не лучше ли было бы сделать это отсюда?"

Голос Халлина тоже стал ближе.

«Нет, если я это сделаю, это должно быть сделано по официальным каналам. Для этого мне нужно быть в Крыле персонала».

Дверь выхода скользнула в сторону, голос Риса оборвался, когда дверь бесшумно закрылась за ним. Мара долго стояла в темноте крошечной комнаты, сбита с толку, раненая и возмущенная в один и тот же момент, мысли гудели, руки дрожали от адреналина противоречивых эмоций и привязанностей

В ожидании на широкой площадке, выложенной черной плиткой, с волосами, развеваемыми сильным ветром на вершине Главного дворца, Люк бесстрастно смотрел на далекие, затененные дымкой шпили города, все еще думая о непреодолимом нарушении Силы. то утро.

Он легко взглянул на далеких стражников, которые только что были видны у входов в Башню, все в синих дворцовых стражах здесь, на открытой крыше. Они стояли с умным вниманием, частично скрытые утилитарными линиями шаттла класса «Лямбда», со сложенными крыльями, хотя его двигатели были активны, ожидая разрешения Люка на взлет.

По другую сторону платформы, добавляя свой собственный шум к грохоту двигателей шаттла, находились шесть Interat-TIE из 701-го, его близкий эскорт, хотя он знал, что две эскадрильи были активны и готовы к запуску из дворцовых казарм внизу. когда шаттл, наконец, взлетит ... что произойдет, как только Мара вернется. Его мысли обратились к ранее заданному Ризом вопросу; как он сможет украдкой покинуть Казармы на ночь мимо Мары? Ему нужен был повод, чтобы занять ее на ночь в казармах, подальше от его пустых покоев... или, еще лучше, чтобы она не уходила - чтобы как-то оставить ее здесь.

Он нахмурился, снова взглянув на готовые к полету I-TIE; если бы он просто ушел сейчас ... Нет; она просто сажалась в I-TIE и следовала за ней, а когда приземлялась, не могла не согласиться на сделку. Что может быть не так уж плохо ... аргумент может Мара практически вырвалось на массивной гранитной посадочной платформы секунд позже, и он повернулся к ней, когда она шла подальше от колоннады, зная сразу что - то было очень неправильно. Она бросилась к ней с горящими глазами, крича сквозь шум двигателей, такая ярость, что в течение нескольких секунд она не могла связать свои слова.

«Что ... просто ... что, черт возьми, вы думаете, что вы делали !? Как долго вы думаете, вы могли бы уйти с ним здесь всего ...»

Люк быстро вышел, чтобы схватить ее за руку, толкнув Мару вперед с достаточной силой, чтобы шокировать ее на мгновение в тишине, когда он грубо затащил ее обратно за шаттл, где, как он знал, всепроникающее наблюдение не имело прямой видимости. Она пыталась вырваться из него, злясь, но он крепко держал ее, развернув ее к себе лицом, его тон был низким, тихим и очень серьезным.

«Тебе лучше взять себя в руки прямо сейчас, потому что ты не хочешь, чтобы я заткнул тебе рот».

Его тон заставил ее задуматься на долю секунды, но она не отступила, качая головой.

«Вы перешли черту. Я знаю все о вашей маленькой клике - о Рисе, Халлине ... и Вейдере. Я знаю, что вы собираетесь увидеть Вейдера сегодня вечером. Люк молчал долгие секунды, глядя на нее, стиснув зубы, мысли гудели ... Когда он наконец заговорил, его голос был приглушенным; тяжело и смирился в один и тот же момент.

«Поздравляю, Мара, добро пожаловать в мою жизнь... ты уже сказал ему?»

Она точно знала, кого имел в виду Люк;

«Нет, я не сказал ему! Звезды, он тебя разорвет на куски, ты это понимаешь !?»

Люк склонил голову набок саркастическим тоном: «Нет, этого не произошло».

"Не ... даже не начинай ..."

«Не что? Что, черт возьми, я должен делать, Мара, ты мне говоришь? Я не могу оставаться таким навсегда; я не могу продолжать делать то, что он прикажет... Я не буду ».

«Он отдал вам один непреклонный приказ - неужели его было так сложно выполнить?»

Мгновенное замешательство омрачило и глаза, и мысли Люка, когда он быстро пробежал в уме ее слова: « Я знаю о Рисе и Холлине... Я знаю, что сегодня вечером ты увидишь Вейдера».

Это было! Это было то, что она знала - все, что она знала! Он думал, что она раскрыла восстание, когда все, что она знала, это то, что он тайно встречался со своим отцом, и Рис и Холлин знали об этом. Мгновенный взрыв облегчения испарился за секунду при осознании этого; она может не думать, что он способен на большее - не хотела об этом думать - но если она скажет Палпатину даже это ... Он бы знал... он бы знал, что делал Люк. Вернее, он подозревал, и для Палпатина этого было бы достаточно. Ему было все равно , правда ли это или почему. Мара снова попыталась вывернуться, но он держался за нее, понимая, что, хотя они были скрыты от линз безопасности, шум нескольких двигателей заглушал их голоса, у него все еще были серьезные проблемы. Он должен успокоить ее - уговорить ее. Он должен лгать? Это было бы так много easier- она хочет верить ему; она всегда была. Словно слыша его мысли, она откусила, все еще бледная:

«Ты солгал мне».

И он так много раз. Это было так легко... и он знал почему;

«Ты солгал себе, Мара. Я только позволю тебе».

Она успокоилась, вспыльчивый нрав на мгновение поразил ее, и он покачал головой, смягчив тон. Мог ли он ей доверять? Должен ли он? Сила, как ветер в его спину, толкала его ... Так почему он колебался? Сделай это...

«Ты все время говоришь мне, что хочешь, чтобы я тебе доверял, ты хочешь, чтобы я впустил тебя... ну, теперь ты в деле».

«Я не это имел в виду».

"Нет."

он сказал: «Тебе нужна была удобная, удобная и бес проблемная правда. Тебе нужна была твоя правда, твой путь. Но это не мое, и этого никогда не было - я никогда не скрывал от этой Мары. Ты хочешь, чтобы я - ты хочешь, чтобы я доверял ты? Ты хочешь шагнуть вперед через этот барьер? Ну вот, Мара ... сейчас или никогда ».

"Это ультиматум?"

«Нет, это просто факт. Ты всегда знал, что до этого дойдет - что однажды тебе придется выбирать между ним и мной».

«Не Люк, меня никто не потребует выкупа - даже ты».

«Я не пытаюсь заставить тебя за руку, Мара. Я бы оставил это навсегда, ты знаешь это. Я бы никогда не спросил...»

«Ты бы держал меня в неведении! Лгал мне!»

«Защищал тебя...»

"Копишит!"

"... от того, что когда-либо приходилось находиться в таком положении". - сказал Люк ужесточающимся голосом.

«Не разыгрывай раненую невинную Мару - тебе это не подходит. Мы оба знали, что играем с огнем...»

«Я !? Я не сделал ничего плохого!»

"Нет? Где ты был прошлой ночью?" - спросил он, не пытаясь нанести удар: «Насколько близко мы были в прошлом году? Ты видела знаки, Мара, ты, должно быть, видела, ты просто предпочла не читать их. Ваши верности давно разделились - вы начали это, не я. Ты требовал выкуп с тех пор, как я впервые встретил тебя ... Я жил с твоими двойными стандартами ради ... "

« У меня двойные стандарты !? Вы не подчиняетесь прямому приказу Императора - фундаментальному приказу; Никакого несанкционированного контакта с Вейдером - никакого! Он всегда ясно давал понять - то, что вы делаете, является преднамеренным вызовом, граничащим с изменой и вами знаю это! "

«Да, я не подчиняюсь; это необоснованный приказ; он мой отец , Мара. Какое твое оправдание с нами?»

Теперь его слова были обрезаны, его собственный вспыльчивый характер поднялся до уровня ее.

«Вы увидели то, чего хотели, и какими бы чертовски нерешительными вы ни были... что за неудобства?»

Она вывернулась и сделала быстрый шаг назад, а когда взмахнула рукой, она сжалась в кулак. Люк быстро вошел и схватил ее сжатый кулак в руке, рефлексы напоминали ртуть. В течение секунды она изо всех сил пыталась освободиться, но он был намного сильнее, чем она, и просто держал ее за руку, пока она не остановилась, ее глаза были полны огня. «Я не позволю тебе сделать это, Люк, я не могу позволить тебе. Это должно прекратиться, ты понимаешь?»

Он медленно покачал головой, не сводя глаз с нее. «Не заставляй меня останавливать тебя, Люк, потому что я знаю только один способ сделать это, и я не хочу, чтобы тебе было больно».

«Это твое решение, Мара - либо ты скажешь ему, либо отпусти это ... Но это все или ничего, пойми, меня больше не будут требовать от выкупа, и я не собираюсь этого спорить с вами снова и снова ".

Он покачал головой очень уверенным голосом: «И я больше не пойду в эту камеру - единственный способ, которым он меня туда достанет, - это по частям».

«Вы знаете, что он это сделает. Без секундного колебания».

«Да... и ты тоже. Это делает тебя Мара. Не Палпатина; твоя. Что бы ни случилось, это на твоей голове - никаких легких оправданий». Они оставались замкнутыми в безмолвном бою долгие секунды, ни на шаг не уступив. Наконец, Скайуокер выпрямился и отступил на шаг, отпуская ее, хотя его глаза не отрывались от нее.

"Но давайте выложим все карты на стол, чтобы вы понимали; я лечу в казармы Мосина сейчас, как и было приказано . И если я буду арестован, когда приземлюсь , вам лучше убедиться, что

там чертовски много они ждут, потому что в тот момент, когда я думаю, что вы меня предали, я поворачиваюсь и ухожу оттуда навсегда ... и вам лучше сказать им всем стрелять на поражение, потому что они ничего не могут сделать, кроме того, что обними меня. Больше нет ".

Он повернулся, чтобы обойти шаттл к носовой рампе, с очень прямой спиной, высоко поднятым подбородком, полностью сдержанным. «Не ...» просто сказала Мара. Слово, отчасти предупреждение, отчасти призыв остановило его у трапа.

«Ваш выбор, Мара».

Он сказал, не поворачиваясь: «Моя судьба в твоих руках, разве я всегда не говорил тебе, что так будет?»

Мара неподвижно стояла, как статуя, на массивной посадочной платформе Дворца и смотрела, как Люк уходит, полностью опустив плечи. Что ей делать? Она понятия не имела - вообще ничего. Его последние слова снова и снова звучали в ее голове, так что она задавалась вопросом, использовал ли он Силу, чтобы внушить эту мысль. Судьба. Он и его глупая, упрямая, безответственная, опасная Судьба .

Было ли это тем, что это было - просто еще одним испытанием, еще одной из его странных возможностей для Судьбы сравнять счет, если так и должно было быть, или по какой-то чертовой причине он пошел на этот безрассудный, необоснованный риск? Неужели он снова использовал свою удачу до предела, просто чтобы посмотреть, как далеко он сможет зайти, прежде чем все это рухнет вокруг него? Он мог солгать ей, и она бы ему поверила. И даже если бы она этого не сделала, он мог бы очаровать и уговорить ее, как всегда. Почему это? Зачем признавать правду, когда он знал, что это может проклясть его - и Мару, которая никогда Он разорвет Люка на куски - полностью, как он это сделал, когда впервые прибыл сюда.

Хуже того, потому что Люк гораздо менее желал бы капитулировать. Последний раз чуть не убил его - полностью изменил его на каком-то фундаментальном уровне, даже она это видела. Но Палпатин сделает все необходимое, чтобы разобрать своего драгоценного джедая на части и восстановить его, как и прежде. Люк был для него просто слишком дорог. И что останется, когда он закончит? Не тот мужчина, которого она... любила. То небольшое , что было остались бы презирать ее за то , что тот , кто сделал это , чтобы тель , который сознательно перевернул его к его преследователю. Преследователь? Мара нахмурилась, увидев концепцию... веру.

О последствиях ... На короткое мгновение она заколебалась, нерешительная, легкомысленная, невесомая, как будто сама галактика затаила дыхание ... Затем она покачала головой, внезапно сильно уверенная; Она не могла этого сделать. Если она сделала это - если она отнесла это Палпатину - она осудила Люка. И она не могла этого сделать. В конце концов, все свелось к одному факту. Она не могла этого сделать. Неужели он действительно этого хотел - дать ей шанс принять это решение самостоятельно? Никаких уловок, никаких обманов... только правда. Все это. Смешной; она всегда боялась этого момента. Он был прав, она всегда знала, что это произойдет, и боялась этого - когда ей пришлось бы сделать выбор; Люк или Император. Теперь, когда наконец добрался до этого момента, это казалось невероятно простым. Она медленно шла с платформы, опустив голову, задумавшись... невероятно легко... . Вызов к Императору пришел через три часа - такой промежуток, что Мара не знала, связано это или нет.

Достаточно, чтобы она надеялась ... Она медленно шла по длинным высоким коридорам к его просторным квартирам, устраивая слой за слоем щиты вокруг своих мыслей, как Люк учил ее,

на этот раз осознавая разницу; о серьезности ее положения. Раньше это было незначительное несогласие, если в глазах ее хозяина была такая вещь, с оттенком настойчивого Люка, что Палпатин уже знал правду о ней и Люке, даже если он решил не признавать этого. Это ... это было по-другому; это была измена. Тяжелая железная лента натянулась на ее груди, сердце забило сильнее при этой мысли; измена .

Независимо от того, как Лука обосновывал свои действия, правильно или ошибочно, это все еще было преднамеренное, неоднократное неповиновение фундаментальному правилу; основной порядок, который был намеренно нарушен. И зная это, она стала соучастницей этого факта, что было равносильно совершению этого в глазах своего хозяина. Это было больше, чем страстная ложь; больше, чем незначительные шаги, которые она предприняла, чтобы скрыть их безобидные свидания. Никогда за всю свою жизнь Мара не ослушалась прямого приказа своего хозяина; никогда. На этот раз она не хотела; она не хотела его предавать и сейчас ... Она только хотела защитить Люка; если бы она могла сделать это, не солгав своему хозяину, она бы сделала это, но Палпатин заставлял ложь ... потому что Мара знала, что он сделает, если узнает. Тем не менее, чувство вины скрутило ее живот и, казалось, крало воздух из ее легких, делая каждый вдох затрудненным.

Ей хотелось, чтобы Люк был здесь, хотя бы во Дворце - хоть какой-то поддержки; успокоение, каким бы приглушенным оно ни было. Но это было ее решение, только ее. И вот как ей нужно было этого добиться; в одиночестве. Она сделала свой выбор, теперь все, что ей нужно было сделать, это довести дело до конца. Она шла, затаив дыхание, под высокой аркой, обозначающей личные покои императора; мимо ряда восьми королевских гвардейцев, которые стояли по-прежнему смирно, алая полоса на темных стенах черного дерева, и в огромный круглый центральный холл высотой в три этажа, широкая двойная лестница, обнимающая изогнутые стены, вырезанные из зеркально отполированной черный камень с тонкими, огненными прожилками глубокого кроваво-красного цвета, его внушительные размеры затмевали немногих, кому был разрешен доступ даже так далеко.

Она на мгновение остановилась, затем пошла под первую площадку огромной лестницы, свинцовые ноги, мгновенно потерялась в тени и колоннах темного, гулкого пространства, зная, где будет ее хозяин. Зная, что ей нужно делать. Так Люк столкнулся с Императором; каждый вызов, каждая встреча, сердце бешено колотится, руки дрожат, тревога и страх - все это каким-то образом воображал Палпатин, он подозревал, он знал . Как он устоял против этого? Как она могла ? Потому что даже сейчас, несмотря на то, что она была предана своему делу ... даже не глядя в глаза своему хозяину, не глядя в эти пронизательные глаза ... Она уже боялась, что поскользнется, сломается, уступит.... Она уже боялась, что рухнет. . .

Палпатин стоял в дальнем конце огромного трехэтажного приемного зала, свет от длинных рядов высоких окон был тусклым за счет фотоэлектрических стекол, превращая массивный зал во тьму и тени. Это была не комната для дневного света - как и все покои Императора, она процветала в темноте, высокий участок двухэтажных стен с двумя колоннами переходами, штукатурка окрашена в насыщенный, сияющий бордово-красный цвет, а арочные и сводчатые потолки наверху визуализированы. в рельефно-резном узоре из сияющего золота.

Его тяжелое, величественное величие охватило всех, кто вошел, и Палпатин выбрал его не без учета соображений. Массивные резные двери отодвинулись, и Мара Джейд прошептала в зал, ее шаги были неслышны, хотя ее чувство в Силе звучало тяжелым тоном беспокойства. Он все еще стоял спиной к ней, глядя сквозь приглушенные окна, тонкие губы Палпатины растянулись в злобной улыбке, глядя на предстоящую игру. Он подождал, пока она приблизилась, не поворачиваясь и не отвечая на ее благоговейный поклон, оставляя ее стоять в беспокойной обстановке ... Когда он, наконец, заговорил, он слегка повернул голову, его лицо

все еще было скрыто за тяжелым капюшоном своего вороньего плаща. «Я ... сбит с толку. Канцлер Амедда сказал мне, что мой джедай уехал в Мосиин ... но ты все еще здесь».

Напряжение в голосе Джейд, когда она говорила, было ощутимым: «Наследник... запретил мне присутствовать».

«Запретить тебе? Ты действуешь по моему указу, чтобы не забыть, Рука Императора. Я приказал тебе сопровождать его. Теперь он без телохранителя... или наблюдателя».

Джейд колебалась долгие секунды, и он знал, что она собирает нервы там, где обычно она говорила бы без пауз.

«Прошу прощения, хозяин... но он не позволил мне сесть на борт - мой ранг не равен его...»

"Почему?"

Она заколебалась, неуверенная

"... хозяин?"

«Почему он не позволил тебе сесть на борт - что ты наделал?»

«Мы... поспорили. Он сказал мне, что я должен остаться здесь и подумать о м...»

"О чем?" .

Мара неуверенно остановилась; Палпатин уже говорил с Люком? О, она могла так легко разрушить все, не сказав ни слова о его неповиновении. Нет; Люк слишком часто играл в эту игру с Императором. Если бы его уже допрашивали и заставили дать отчет, Люк чертовски убедился бы, что Мара знает все. Она видела, как он делал это со скрупулезным вниманием к деталям так часто даже по самым незначительным вопросам в прошлом - и это, должно быть, доля правды, если он так долго скрывал свои встречи с отцом. Нет, это было что-то другое ... Император повернул голову еще немного, его тон стал более снисходительным;

"Может быть ... личная ссора?"

Легкие Мары Мары беззвучно вздохнули. . Палпатин повернулся с легкой улыбкой на бескровных губах.

"Или вы думали, что я ничего не знал?"

Он выступил вперед, вытянув одну руку рядом с собой, чтобы проводить Джейд, пока он шел вдоль огромной внушительной комнаты.

«Я разочарован, дитя мое; я думал, ты знаешь меня лучше».

Голова закружилась, она позволила вести себя вперед, ни слова не слетали с ее губ, ни мысли в ее уме, такова была ее тревога. Он перевел ее из бездушного величия пещерного пространства в маленькую комнату ожидания, ее пропорции были более успокаивающими, более подходящими для его линии атаки. Судя по тому немногому, что они говорили - из-за отсутствия удобочитаемой информации через Силу, когда он прямо спросил ее о споре, - он знал, что она что-то скрывает. Он мог заставить ее сказать ему, как он изначально намеревался, мог терроризировать и запугать ее или просто сломать барьеры, которые она поставила, и получить информацию с помощью относительной силы... но это было намного

лучше.

Он владел своим Волком - и никем другим. Скайуокер усвоил уроки и доверял очень немногим, поэтому возможности прояснить этот факт были далекими днями, но время от времени для Скайуокера все еще было возможно выявить пределы предполагаемой верности окружающих, чтобы подчеркнуть этот факт. Мара Джейд была его игроком; в конечном итоге она сделает все, что потребует от нее Император... он слишком долго удерживал ее, чтобы Скайуокер даже подумал, что сможет это изменить. Он позволил своим джедаям такую нескромность, но это было на условиях Императора, а не Скайуокера - и пришло время напомнить ему об этом. «Все, что здесь происходит, происходит согласно моей воле. Мои намерения. Вы это знаете. Вы с моим джедаем с моего согласия... и вы останетесь таковыми по моей милости».

Он сделал паузу, затем протянул руку, приложил бледную руку к ее лицу и приподнял ее подбородок: «Но не волнуйся, дитя; я полностью верю в тебя - ты никогда не разочаруешься».

Джейд посмотрела на своего хозяина изумрудно-зелеными глазами с тревогой и тревогой, и он улыбнулся этому испуганному лицу, придавая выражение милостивого снисхождения к своим чертам, зная, что Мара поймет это только насквозь. Она хорошо знала своего хозяина; в открытых угрозах не было необходимости - здесь они подразумевались. Конечно, он уже видел их спор на посадочной площадке; позаботился о том, чтобы послать ему изображения после доклада одного из дворцовых стражей. Это был крошечный фрагмент, Скайуокер был достаточно проницателен, чтобы быстро переместить Джейд в точку позади шаттла, где они были скрыты от линзы, их слова не были слышны из-за нескольких двигателей. Обычно Палпатин проигнорировал бы это; отклонил это сразу, как два пламенных темперамента, вступающих в бой, как они так часто случалось в прошлом ... но сегодня, так скоро после тревожного возмущения в Силе, столь явно сосредоточенной здесь, во Дворце, все представляло интерес.

Все требовало дальнейшего изучения. Это было не то, чем казалось - это многое стало ясно в тот момент, когда она вошла в каюту. Что-то изменилось ... и теперь все остальное изменилось ... Что именно изменила Сила, не раскрывает, не обращая внимания ни на что. Но по опыту Палпатина события часто становились труднее увидеть или предсказать из-за их близости к обученному чувствительному к Силе ... Их осталось только трое.

Если Палпатин изменял судьбы своими собственными действиями, то он наверняка знал бы ... что оставило двоих других, которые сегодня совершили нечто неожиданное: Вейдер пытался отсрочить свое предполагаемое возвращение во Дворец, а Скайуокер оставил Джейд, когда он зашел к Мосиину. Из этих двоих Палпатин знал, кто способен нанести наибольший урон; как и Джейд, он полностью удерживал Вейдера... в результате остался только один. Сам Скайуокер был бы закрытой книгой, даже если бы он был здесь - он выучил свои уроки - но Джейд ... ну, Палпатин всегда говорил мальчику, что она была его слабостью. Поэтому он теперь улыбнулся женщине, укладывая свой вопрос так, чтобы скрыть его намерения и сыграть на ее неуверенности. «Мы недостаточно говорим о вашей новой роли, моя дорогая. Возможно, нам следует исправить это».

«Я...» она запуталась в своем ответе, бессловесном перед тем человеком, который мог довести ее до такой степени, потерявшей способность реагировать.

Не то чтобы это имело значение; Император, несмотря ни на что, сказал: «Вы, конечно, понимаете, насколько важна такая роль - насколько стратегически значима. Вы были одним из первых, кого я считал. Только те, в кого я абсолютно верил, могли претендовать на такую роль».

« Среди первых»; она была достаточно проницательной, чтобы услышать угрозу.

Он оскалил зубы в пустой улыбке: «И я знаю, что вы никогда не скроете от меня информацию - заставьте меня усомниться в этой вере. Заставьте меня пересмотреть это привилегированное положение».

Она подняла на него глаза, а он по-прежнему снисходительно улыбался, как бы объясняя очевидное;

«Ты супруг Наследника, дитя; положение большой... ответственности. Это первый раз, когда я когда-либо просил тебя доказать свою пригодность - свою лояльность. Не заставляй меня сомневаться в тебе сейчас».

Опять эта ухмылка, как гаррал, преследующий добычу; все холодные глаза и острые зубы.

«Ты, моя дорогая, понимаешь предлагаемый потенциал - и присущие ему условия. Я даю ему все - больше, чем когда-либо, когда-либо ... он должен просто взять это. Протянуть руку и взять ее. И я надеюсь, что ты ему поможешь в этом; в объяснении ему возможности, которую он имеет ... и в иллюстрации ему тщетности - и опасности - неповиновения ".

Она горячо покачала головой: «Он не...»

«Хорошо подумай, прежде чем отвечать, дитя». - прервал он ее резким голосом, мгновенно заставив ее замолчать: - Как я уже сказал, ваше положение - привилегированное .

Она на мгновение заколебалась: «Он не виноват».

Ее первый промах; он не виноват - он не сделал ничего плохого. Палпатин мягко улыбнулся, склонив голову набок: «Я тебе верю».

Она погрузилась в сдержанное молчание, не желая предавать его напрямую, и Палпатин подумал, что теперь она вовлечена в игру... возможно, он сможет предложить ей предлог; способ сказать правду, но нести бремя.

«Я ... волнуюсь за него, дитя. Меня беспокоит, что он ... находится под угрозой внешнего влияния - что кто-то обнаружил уязвимость и пытается сбить его с пути. Я надеялся, что твоя близость даст тебе возможность выявить такие ошибки».

Она посмотрела вниз слишком быстро, глядя куда угодно, только не на своего хозяина, и Палпатин улыбнулся, испытывая чувство вины. Прежде всего она была непоколебима, непоколебимо хладнокровна под огнем. До Палпатина и целой жизни ухаживания, каждая манипуляция тщательно строилась одна на другой, она была сговорчивой и уступчивой - хотя ее страх был скорее за другого, чем за себя, это было ясно. Именно поэтому его так удивительно легко использовать.

"Я не слепой ребенок; я знаю игры, в которые он играет - на самом деле я не ожидаю от него меньшего, вы знаете это. Напротив, я ценю его силу духа. Но бывают времена, когда эта решимость ... неправильно направлен. И затем я полагаюсь на совет тех, кого я поместил о нем для разъяснения ".

Легчайший хмурый взгляд скользнул по ее гладкому лбу, неуверенность разыгралась на ее лице, когда Палпатин продолжил свое тонкое настойчивое принуждение.

«Я знаю, что вы хотите только защитить его, поэтому я позволяю вам быть рядом с ним».

Она взглянула на это, ее мысли беспокоила новая неуверенность, и он еще больше смягчил свой голос.

«В этом нет нужды, Мара. У меня нет намерения наказывать его за что-то, если я не верю, что он виноват. Достаточно знать. Зная, я могу решить эту проблему, прежде чем она потребует более решительных действий. теперь я могу только ему помочь ... »

«... Он мне доверяет...»

«И он прав, потому что ты будешь делать то, что для него правильно». Палпатин подчеркнул, зная, насколько она близка к краю, смакуя игру, с нетерпением ожидая момента, когда он сможет открыть Скайуокеру, что его самая большая слабость предала его, не больше ободрения, чем несколько принудительных слов.

«Это будет наша тайная Мара; никому больше не нужно знать - то, что ты говоришь здесь, никогда не выйдет за пределы этих стен. По правде говоря, ты будешь помогать ему, как и мне. Ты будешь выполнять свои обязательства перед обоими ... знайте, что это то, чего вы хотите ».

Он сделал паузу, воспользовавшись шансом, увеличив вероятность.

«Я уже знаю, что что-то не так. Я не хочу отводить его в камеру; не заставляйте меня это делать». . Мара взглянула на это, осознавая серьезность этой угрозы, вспоминая слова Люка; что его совершенно не возьмут снова. И Палпатин уже знал - он уже знал, что что-то не так. Было бы так ужасно рассказывать ему факты? Несомненно, ее хозяин был прав; она будет помогать Люку, разгоняя ситуацию до того, как она станет критической. Люк больше не отступил; она видела это в его глазах, слышала это в его тоне. Он больше не был невиновным, противоречащим своей совести.

Это могло так легко обостриться Палпатин наклонился ближе, тон убедительный, убедительный, зная из долгого знакомства, что именно ей нужно было услышать, обнадеживая ее надежды и выражая ее опасения: «Я не верю, что он виноват ... но пока я не узнаю обратного, другого выхода нет. ты знаешь, что справиться с этой проблемой. Я не хочу причинять ему боль, но это станет битвой воли, как всегда... битву, которую он может только проиграть. Не заставляй меня заставлять его снова пройти через это ».

Она покачала головой с очевидной озабоченностью.

«Он не уступит».

Конечно, он уступит; Палпатин сознательно не позволял своему лицу застыть, сдерживая холодное веселье в голосе, зная, что он просто разобьет мальчика на части, пока он не сделает это.

Но он только один раз кивнул серьезным тоном с оттенком неохотной озабоченности: «Я знаю.

Но вы знаете, что я буду делать - что я должен делать. Как только мы встанем на этот путь, я не могу отступить».

Он колебался; еще один толчок .

«У тебя есть сила остановить все это сейчас, Мара, до того, как это начнется. У тебя есть сила

спасти его».

"Это не его вина..."

Император ласково кивнул, и Мара не заметила прикосновения нетерпеливой стали под его тихими словами.

«Если есть что-то, что, по твоему мнению, я должен знать, тогда скажи мне сейчас...»

Она хранила неуверенное молчание на самом краю... Возможно, пришло время все-таки заменить ее; Захват Скайуокера становился слишком сильным.

«Сила шепчет ...» - он замолчал, намереваясь позволить ее собственным страхам заполнить паузу, но, почувствовав всплеск ее опасений и осознав, что Скайуокер, должно быть, упомянул о нарушении, он придал задумчивый тон своему голосу и своему опустошенному функци.

«Я чувствую ... сдвиг; изменение - и я не хочу, чтобы это было между мной и моими джедаями. Я потратил пять обременительных лет на установление нашего сотрудничества - на обеспечение его инвестиций здесь. Оставшись наедине с собой, он бы бросил мы давным-давно ... вернулись к его драгоценному восстанию - или просто исчезли. Мои методы кажутся суровыми, но это я удерживал его здесь; моя воля, ничего больше. Помните это ".

Он шагнул вперед, скрипучий голос снизился до льстивого: «Ты должен доверять моему рассудительному дитя...»

«Я мастер - всегда был».

«Я боюсь, что без вмешательства эта ситуация может обостриться и превратиться в любое извлечение - боюсь, мы оба потеряем его...» Паника осветила ее глаза ... и он знал, что она у него

«..... Вейдер». - сказала она задыхающимся шепотом.

"Вейдер?"

«Он разговаривал с Вейдером; встречался с ним. Вейдер манипулирует им, пытается использовать Люка для достижения того, чего он не может; подталкивать его к неповиновению...»

Она абсолютно верила в это; Люк не стал бы делать большего по своему усмотрению. Им манипулировали; он был .

«Люк просто... хотел поговорить со своим отцом. Он не намеревался сопротивляться».

"Нет ... он бы не ..."

Палпатин покачал головой, его тон потемнел. В конце концов он сделал, конечно , мальчик знал, что некоторые законы никогда не будут нарушавших; и почему он вообще выбрал это? Он ненавидел своего отца. Палпатин потратил долгие часы на интриги, чтобы убедиться, что, когда он впервые встретится со своим отцом как ситхом, мальчик захочет только убить его. И он имел; Скайуокер чуть не убил Вейдера во время их дуэли - на самом деле Палпатин так и думал, был уверен, что мальчик вступил в эту дуэль со своими собственными планами, независимо от приказа Палпатина. Это было испытанием; окончательное подтверждение

контроля Палпатина над мальчиком даже в самых ужасных обстоятельствах; способность заставить его отступить в пылу битвы.

«... Дуэль - он пытался убить Вейдера-»

Глаза Мары опустились, слова почти потерялись в поверхностных вдохах: «Но он не мог».

«Он не мог...» и, наконец, Палпатин понял; пила с кристальной ясностью все, что произошло ... Он намеревался disobey- в любом случае, чтобы убить Вейдер ... но он не мог. И если в таком случае он не сможет этого сделать... тогда выбор был за ним, а не за Палпатином. Но он позволил Палпатину поверить в то, что он контролировал своих джедаев - использовал убеждение Палпатина в том, что он сдерживал Люка в своих интересах. Как, судя по всему, был его отец. Галстук, который Палпатин считал безвозвратно разорванным, очевидно, все еще не был поврежден. Они не двинулись против него, поэтому мальчик все еще опасался своего отца, узы рваные и разорванные - но тем не менее.

И это было слишком тяжело. Все, что построил Палпатин с тех пор, зависело от одного этого факта; от его способности контролировать мальчика в пылу безудержной ярости или холода, расчетливой ярости. Контроль был всем - и Палпатин был уверен, что держал его безоговорочно ... но мальчик снова и снова обманывал его намеренно ... Это означало, что он солгал ... солгал Палпатину в лицо. Сознательно и неоднократно, чтобы скрыть свое предательство и сохранить обман. Негодование охватило Палпатина наглым предательством мальчика. Негодование оттого, что он считал, что может замаскировать такой ужасный обман, ярость по поводу того, насколько сильно он это делал. «Наглое, упрямое, коварное существо...» За это могло быть только одно наказание - за то, что он поставил другое перед своим Учителем.

Он всегда говорил своим джедаям, что если он не устранил свои собственные слабости, то Палпатин сделает это за него.

Мара заколебалась: «Ты сказал ...»

Палпатин напрягся, когда он повернулся к ней, и она мгновенно вздрогнула ... он сделал паузу ... Да, он намеревался наброситься на нее, но тогда эта связь будет потеряна.

«Это был ваш аргумент сегодня на посадочной платформе».

- заметил он резким и расчетливым скрипучим голосом, горькая ярость уже остыла до сдержанной враждебной страсти.

«Я сказал ему остановиться». - сказала она почти искренним голосом. Значит, он узнал об этом через несколько часов после того, как узнала Джейд. Значит, ценная договоренность, которую, возможно, следует сохранить - пока. Ее замена еще не была окончательно установлена, и он еще не получил от их ассоциации всего, чего хотел.

Он посмотрел на нее холодным взглядом и пренебрежительно сказал: «Ты можешь идти, Джейд».

. Мара колебалась, испуганная переменой, которая преодолела ее хозяина, но ей нужно было знать, движимая чем-то большим, чем страх: «Ты не...»

« Я сказал, что вы уволены ».

В этом была сила, которая не терпела отказа, и она повернулась и чуть не выбежала из

комнаты, ее глаза затуманились. . . .

Шаттл класса «Лямбда» с дворцовыми опознавательными знаками медленно спускался по крыше, Мара тупо наблюдала из окна своих апартаментов за задней частью Северной башни. В течение долгих секунд она смотрела, не видя по-настоящему, тревожные мысли в другом месте, затем эскорт пролетел над головой, и она поняла обозначение шаттла и наклонилась вперед, сердце в ее горле ... Вейдер плавно зашагал вперед от шаттла к входу в Южную Башню, не подозревая, что она смотрит на него, и Мара почувствовала, как воздух улетучивается из ее легких. Вейдер! Палпатин вызвал Вейдера во дворец... ее мысли метались, пытаясь заполнить пробелы; Вейдер согласился с Рисом, что он останется в Тингарне сегодня вечером, а это означало, что он, должно быть, был вызван сюда лично Палпатином. Только вызов Императора изменил бы его планы.

Будет ли он привлекать Вейдера к ответственности - заставляя его отвечать на все обвинения? Он знал, что имел гораздо больший контроль над Вейдером, чем Люк; ожидал от него большего - этого хватит, чтобы остановить его руку? Она снова увидела выражение глаз своего хозяина, когда она сказала ему правду, и незаметно покачала головой; нет. Не в этот раз. Она снова взглянула на комлинк на столе поблизости. Она подняла его, намереваясь связаться с Люком уже десяток раз... больше. Но она всегда заменяла его неиспользованным. Она повернулась, сопротивляясь побуждению шагать вверх и вниз, осознавая, что совершила необратимый акт, отчаянно надеясь, что поступила правильно. Она потенциально предала Люка Императору - если он решит действовать в соответствии с ее информацией. Суд был отложен, а его члены распущены - уже несколько дней, как указал Император, ходят слухи. Вряд ли это действие кого-то, намеревающегося разогнать ситуацию.

Мара покачала головой, прижав руку ко рту; конечно, он будет действовать в соответствии с этим, почему она думала иначе? О чем она думала - как ее можно было так легко вести? Потому что она пыталась ему помочь! Пытаюсь рассеять катастрофу. Как оно могло пойти так далеко... как могло обостриться отсутствие одного глупого, незначительного комлинка? И не было возможности скрыть ее участие в этом; если Палпатин накажет Вейдера ... в то время как Мара не наплевать на человека, который довел своего сына до почти разрушения, чтобы удовлетворить свои собственные политические амбиции, она сомневалась, что Люк разделит ее низкое мнение, учитывая, чем он рисковал, просто ради поговори с ним. Как он мог подумать пересечь Палпатина?! Как мог... « Не переходи меня...» Где она слышала это раньше? Ее мысли были прикованы к той ночи на «Патриоте», ужасаясь осознанию того, что... когда они свернулись друг с другом в безопасном плаще далекой ночи;

«Не переходи меня...»

Люк прошептал ей эти слова с таким чувством. Она открыла рот, чтобы отрицать это, и Люк остановил ее; не хотел пустых слов. Он знал уже тогда; известно, что его положили рядом со своим будущим предателем. Ей стало физически плохо - она дрожала. Ситуация могла так легко заканчиваться; выйти из-под контроля - она это знала. Люк сказал это ей! На этот раз он не отступит ... Но как она могла обвинять Императора в том, что он действовал в соответствии с информацией, которую она ему предоставила? Какая у него была альтернатива? Он должен был действовать в соответствии с этим, она это знала. Она знала это с самого начала; она так долго хранила молчание, когда Люк рассказал о дуэли с его отцом, потому что знала, что если она расскажет Палпатину, это все разрушит ... Уничтожьте Люка.

Но Палпатин сказал, что не станет - он сказал, что это будет их секретом, и этого было достаточно. Он пообещал, что не будет действовать. Он обещал ей ... Тем не менее, Корт уже был распущен, уровни Тронного зала пусты, а живот Мары сжался в ледяной узел, от которого

она замерзла и задыхалась, обхватив себя руками. Один импульсивный момент слепого доверия... Раньше доверять ему всегда было так легко. Возможно, ей никогда не приходилось ничего бояться потерять. . . . Палпатин молча стоял в маленькой прихожей и долго размышлял, сузив глаза, сжав губы в тонкую линию. Как легковерно он был доверять своему Волку - как легковерен. Как снисходительно так долго, что мальчик думал, что это сойдет ему с рук.

Как упущено. Он знал, что это за мальчик; на что он способен... разве он не поклялся, что всегда будет пристально следить за своим Волком - что любое разногласие будет быстро и безжалостно устранено? Но у него было - всегда было. Ситх сузил глаза, снова вспомнив видение, преследовавшее его два долгих десятилетия; о волке в темноте, о предупреждении внутри; слишком туго натяните поводок, и он укусит. Он снова видел это видение на рассвете. Видел дикого волка; видел, как мужчина встал, когда темный соболий плащ спал. Он закрыл глаза и прикрыл их бледной рукой, воспроизводя видение с совершенной ясностью, ища знания

Волк в сумерках; дикое существо, которое шептало сквозь тьму, одно с ночью, дикое и капризное - затем в шквале теней оно исчезло, и он уставился в пустую тишину, ожидая ... Он неуверенно повернулся, молчание было глубоким. Перед ним в безмолвной неподвижности стоял на коленях его джедай с опущенными глазами, тяжелый темный плащ из плотного черного меха накрывал его, поглощая весь свет. Волк в ночи ... Слишком туго натяни поводок, и он укусит. Его джедай встал, обтягивающий соболий плащ, который он носил, соскользнул с его плеч, когда он молча протянул руку, и снова глаза Палпатина неумолимо прижались к световому мечу, размазанному алым красным, цветом гнева, страсти и предательства ... Световой меч Вейдера. Возьми это . - сказал его джедай, хотя его губы не двигались.

Палпатин снова посмотрел на световой меч, идеальные алые струи просачивались через бездействующую рукоять, текли рубиновыми ручейками, стекали темными каплями с пальцев его джедая и проливались на пол у ног Палпатина, пропитывая пятно в конце его плаща Он посмотрел в глаза мальчика, совершенные синий лед в темноте ... Его Волк молчал и бесстрастным , но что - то ... что - то изменилось в тех eyes- и сломанное сердцебиение , что идеальная ледяная синий светилась тончайшей полоской красноокрашенная охра. Что-то как никогда раньше тронуло разум Палпатина, заставляя его сердце биться быстрее от трепета - от... страха. Его Волк медленно моргнул, и мгновенное изменение исчезло, холодные глаза вернули взгляд Палпатина на саблю, которую он все еще держал.

Бери ... или он тебя убьет. Палпатин снова посмотрел на рукоять сабли: «Вейдер?» Его Волк ничего не сказал, просто протянул окровавленную саблю, лужа капающего алого цвета под ней неравномерно распространялась, подпитываемая скользящей липкой струйкой крови, которая все еще неравномерно текла по металлической рукояти. Жидкая жизнь, насыщенная и вязкая. Жидкая смерть, плачущие рубиновые слезы. Смерть... Световой меч не был активирован, но он мог слышать басовый гул несуществующих клинков, шипение перегретого света. Смерть...

Глаза Палпатина вспыхнули в отрицании, в ярости, рычание разочарования скривило его губы. Придется ли ему еще убить мальчика? Разве это одно только разрушит видение? Или Вейдер был угрозой - он всегда был угрозой? Конечно нет; его обращение было медленным, постепенным переходом от юности к взрослой жизни. Годы инвестиций, трудоемких, но предсказуемых - гарантированных ; фиксированный, четкий путь. Почему после долгих пяти лет мальчик стал таким другим? Какие резервы он использовал, чего не мог его отец, что уменьшилось, а что увеличилось - и как? Его отец был Палпатином; в некотором базовом, элементарном смысле он был его с первого момента, когда их взгляды встретились. Что изменилось за одно поколение... Внезапно Палпатин вспомнил кольцо; его матери кольцо ...

его мать ... один неконтролируемый переменной.

Похоже, он все еще тянулся из могилы, чтобы изводить его. И тут возникла другая мысль; он вспомнил, как бросал вызов своему джедаю, когда нашел кольцо. Скайуокер последовал за ним в тот момент, когда Палпатин принял его... потому что ему нужно было развеять это подозрение, прежде чем Палпатин слишком долго над этим задумывается; откуда он взял кольцо, почему его отец отказался от такой вещи ... Разве тогда Скайуокер не солгал ему? Посмотрел ему в глаза и солгал, каждый ответ рассчитан на то, чтобы убрать связь вины и дистанции... чтобы защитить его отца. Не он сам, понял Палпатин; если бы он захотел это сделать, он бы не пришел, не столкнулся бы со своим Учителем - не солгал бы. Его отец... Палпатин снова подумал о видении; предупреждения внутри.

Способ изменить видение, не теряя своего Волка. ... Возможно, он применил неправильное наказание - . Да, теперь он знал, что делать. Его первый инстинкт оказался правильным; за это было только одно наказание, за то, что он поставил другое перед желаниями своего Учителя ... Палпатин снова и снова предупреждал мальчика, что если он не устранил свои собственные слабости, то его Учитель обязательно сделает это за него ...

Пришло время выразить эти слова. . . . Люк получил связь ближе к вечеру, офицер связи в казармах Мосина передал Наследнику свой комлинк. Люк сделал два быстрых шага назад и остановился, пока офицеры вокруг него вежливо делали то же самое, чтобы дать ему немного уединения. - Да? «Добрый день, сэр. Простите за вторжение». Люк нахмурился, услышав голос Риса; эти последние слова были закодированным сообщением, чтобы найти безопасное место, прежде чем продолжить. Он сделал еще два шага назад, но прекрасно понимал, что комлинк не был закодирован и в комнате можно было легко прослушивать прослушку.

«Нет, все в порядке».

«Нет», - было послание. Рис заколебался, сознание явно мчалось, чтобы предоставить достаточно фактов, чтобы Люк понял его сообщение, не вызывая подозрений: «Я получил отправленные вами боеприпасы и разрешения на персонал - с ними сейчас разбираются. Если хотите, можете лично представить ему кадровые перестановки, что будет означать, что они могут вступить в силу к завтрашнему дню.

Я ... хотел держать вас в курсе изменений в расписании, которые это повлечет за собой ".

Люк заколебался; его отец вернулся во дворец - почему? Рис также тайно предлагал пойти на встречу с Вейдером, чтобы проследить за изменением планов ... Нет; его отец имел частоту защищенного закодированного канала для разговора с Люком, а протеже Каррде Гент уже был здесь, в казармах Мосина, ожидая, чтобы установить новый шифр в автопамять Люка; Гент мог легко организовать здесь небольшую борьбу со стандартным наблюдением, гарантируя Люку чистую комнату для разговора с отцом и выяснения того, что произошло. «Я буду свободен через час - тогда я свяжусь с вами на моем канале automemo, чтобы я мог подробно рассказать». Говоря это, Люк обратился к Силе, ища утешения

И комлинк упал Рису его руку, ответ Риса не был услышан - . Люк повернулся и побежал, спускаясь по лестнице на базе по четыре за раз, приводя три пролета к посадочной площадке, пораженные офицеры смотрели ему вслед с удивлением. Он добрался до кораблей тупым бегом. Все 701-й I-TIE обычно находились в режиме ожидания, готовые к взлету, и он прыгнул с расстояния в шести шагах, приземлившись в открытой кабине ближайшего, заблокировав фонарь без шлема или летного костюма, когда он полностью включил двигатели. Звонок из центра управления полетом прозвучал в динамики кабины, пилоты и наземный экипаж вышли

из готовых комнат, чтобы посмотреть, в чем дело: «Эхо ноль-три, вы пытаетесь осуществить несанкционированный взлет. Выключите двигатели и опознайте себя и данные о допуске ... »

"Освободи корабль!"

Люк крикнул в пикап, тяжелый стыковочный зажим удерживал I-TIE вниз, когда он неровно качался против тяги, двигатели кричали.

«Эхо Ноль-три, повторяю, ты...»

Люк замкнул связь и одновременно протянул Силу, и тяжелая часть стыковочного зажима из органической стали отодвинулась назад, раскололась по ширине с пронзительным криком, развернувшись из шасси I-TIE, как живое существо. , широкий, ослепляющий всплеск искр, брошенных вокруг него, наземная бригада пятится назад, протягивая руки вперед. В ту же секунду двигатели заработали на полную мощность, истребитель на долю секунды выпрямился, прежде чем махнуть вперед, дико качаясь из стороны в сторону, взрываясь в небе, пятнышко вдалеке, прежде чем кто-либо даже подумал о реакции.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1287596>